

КІЕВСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

15-го апрѣля № 4. 1861 года.

Содержаніе Вѣдомостей:— I. Высочайшія повелѣнія и распоряженія св. Синода.— II. Епархіальныя распоряженія.

Содержаніе Прибавленій: а) слово на воспоминаніе страстей Господнихъ. б) Школы при сельскихъ церквахъ кievской епархіи. в) Некрологъ.

I.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛѢНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ
СВЯТѢЙШАГО СУНОДА.

Высочайшимъ повелѣніемъ, состоявшимся въ 1-й день августа 1860 года, увеличено содержаніе іеромонаховъ на судахъ флота, и именномъ повелѣніемъ имъ производить по 25 руб. серебромъ въ мѣсяць независимо отъ получаемыхъ ими оберъ-офицерскихъ порціонныхъ денегъ, которыя для заграничнаго плаванія составляютъ 728 руб., а для внутренняго до 300 р.

въ годъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорское Высочество генераль-адмиралъ изъявилъ желаніе, чтобы назначеніе достойныхъ іеромонаховъ для плаванія на судахъ нашихъ возложить на строгую отвѣтственность настоятелей; при чемъ Его Высочество изволилъ выразиться, что можно опредѣлять на суда флота священниковъ изъ блага духовенства, но только съ тѣмъ, чтобы сіи послѣдніе, по окончаніи плаванія, не оставались въ морскомъ вѣдомствѣ, а возвращались къ своимъ мѣстамъ. Во исполненіе сего, указомъ святѣйшаго правительствующаго Синода отъ 11-го марта 1861 года предоставлено главному священнику арміи и флотовъ съ требованіемъ о командированіи на флотъ священнослужителей, въ случаѣ недостатка таковыхъ въ епархіяхъ: новгородской, с.-петербургской, псковской и олонецкой, изъ коихъ оныя доселѣ назначались, обращаться и ко всемъ прочимъ епархіальнымъ преосвященнымъ. Засимъ о Высочайшемъ Его Императорскаго Величества повелѣніи касательно увеличенія содержанія іеромонаховъ на судахъ нашего флота состоящихъ объявлено, для свѣдѣнія, всемъ преосвященнымъ епархіальнымъ архіереямъ, съ предписаніемъ, чтобы, въ случаѣ помянутаго требованія, принято было къ руководству и исполненію вышеизъясненное желаніе Его Высочества генераль-адмирала, и чтобы назначаемыя на флотъ лица изъ блага духовенства избирались не иначе, какъ изъ числа вдовыхъ священниковъ.

Указомъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, отъ 11-го марта, 1861 г. дано знать епархіальнымъ архіереямъ, что ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ Высочайше повелѣть соизволилъ, чтобы съ истеченіемъ срока глубокаго траура по почившей въ Бозѣ ИМПЕ-

ПАТРИЦЬ АЛЕКСАНДРЪ ѲЕОДОРОВИЧЪ прекращено было употребленіе траурной бумаги, но чтобы, до окончанія всего срока траура, употреблялся чѣрный сургучъ.

Святѣйшій Правительствующій Синодъ, въ разрѣшеніе представленія преосвященнаго Филарета, митрополита московскаго и въ предупрежденіе могущихъ возникнуть со стороны другихъ преосвященныхъ недоразумѣній, циркулярными указами отъ 18 марта 1861 г., далъ знать по всему духовному вѣдомству, что въ настоящемъ году, согласно съ объясненіемъ, сдѣланнымъ въ Табели высокаторжественныхъ и вѣкторіальныхъ дней, празднованіе высокаторжественнаго дня Рожденія ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, по случаю совпаденія дня сего съ понедѣльникомъ страстныхъ седмицы, имѣеть быть отправлено въ православныхъ церквахъ въ понедѣльникъ на Свѣтлой седмицѣ.

Указомъ святѣйшаго Синода, отъ 8-го марта 1861 г., циркулярно предписано епархіальнымъ преосвященнымъ: 1) чтобы, при рукоположеніи во священники воспитанниковъ семинаріи, обязывали ихъ, а уже служащихъ обязали подписками непременно имѣть въ своей или церковной библиотекѣ книги Священнаго Писанія, догматическое Богословіе преосвященнаго Антонія, протранный катихизисъ и книгу о должностяхъ пресвитеровъ приходскихъ, приобретѣніе каковыхъ книгъ, по дешевизнѣ ихъ, ни какъ не можетъ быть обременительно для поступающихъ на священническія мѣста, а также стараться приобретать въ церковную библиотечку книги, назначенныя для сего циркулярнымъ указомъ Святѣйшаго Синода 15 февраля 1832 года и книги, по особен-

нымъ обстоятельствамъ прихода, нужны въ пособіе священнику; 2) чтобы наблюденіе за исполненіемъ сего со стороны священниковъ возложили на благочинныхъ и обращали вниманіе на этотъ предметъ сами преосвященные при обозрѣніи епархіи.

II.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.

а) Распоряженія общія:

Его высокопреосвященство, резолюціей отъ 26-го декабря 1860 года, приказалъ подтвердить всѣмъ благочиннымъ кіевской епархіи, чтобы они вообще ни денегъ, ни вещей отъ постороннихъ лицъ въ церкви, для храненія, не допускали, деньги же, такъ называемыя сборныя отъ прихожанъ, въ предположеніи употребить ихъ на церковь, принимали не иначе, какъ съ запискою въ церковныя приходорасходныя книги и затѣмъ уже никому изъ оныхъ на свои надобности ни священникамъ, ни прихожанамъ брать самаго малаго количества, безъ разрѣшенія епархіальнаго начальства, не дозволяли, а еслибы гдѣ мимо ихъ вѣдома было это допущено, немедленно доносили о томъ Его высокопреосвященству, подъ опасеніемъ, въ противномъ случаѣ, личной за то отвѣтственности.

Его высокопреосвященство, резолюціею отъ 27-го февраля сего года, повелѣлъ объявить діаконамъ, дьячкамъ, пономарямъ и просфирнямъ кievской епархіи, чтобы они о всѣхъ своихъ нуждахъ обращались съ просьбами къ преосвященному викарію кievск. епархіи, епископу чигиринскому Серафиму, которому его высокопреосвященствомъ предоставлено право рѣшать сіи просьбы окончательно, кромѣ тѣхъ только случаевъ, когда бы дѣло шло о мѣстахъ священническихъ, которыя нужны для учениковъ, кончившихъ курсъ семинаріи.

б) Распоряженія частныя:

1. Назначены.

25 марта, 1861 г. намѣстникъ кievскаго, злато-верхо-михайловскаго монастыря іеромонахъ Анеимъ — настоятелемъ заштатнаго медвѣдовскаго Николаевскаго монастыря, а на его мѣсто намѣстникомъ кievо-злато-верхомихайловскаго монастыря іеромонаха кievопечерскія лавры — Авраміи.

19 марта, 1861 г. каневскаго уѣзда м. Медвина священникъ Прокопій Богорскій — духовникомъ благотворительнаго вѣдомства, съ увольненіемъ отъ должности депутата.

2. Исключены изъ списковъ умершіе:

1) Каневскаго уѣзда, м. Ходорова священникъ Василій Левановскій, скончавшійся 25 марта, на 52 г.

2) Васильковскаго уѣзда с. Барахтъ заштатный священникъ Іоаннъ Погорецкій, скончавшійся 14 марта, на 56 г. отъ рожденія.

3. Пожертвованія въ пользу духовныхъ училищъ и сельскихъ церковныхъ школъ, и объявленіе архипастырской признательности.

Г. Инспекторъ казенныхъ училищъ с.-петербургскаго учебнаго округа, действительный статскій совѣтникъ Павелъ Н. Максимовичъ, при письмѣ отъ 8-го марта сего 1861 г., представилъ его высокопреосвященству сто экземпляровъ изданной имъ книги: *Другъ для дѣтей*, жертвуя ихъ въ пользу школъ, учрежденныхъ при сельскихъ церквахъ кievской епархіи. Такое приношеніе принято его высокопреосвященствомъ съ признательностію.

Старшій учитель 1-й кievской гимназіи Николай Багаиновъ пожертвовалъ для ученической бібліотики кievоподольскаго духовнаго училища 54 книги 50-ти разныхъ наименованій. За такое приношеніе его высокопреосвященствомъ, 20 марта сего 1861 г., изъявлено архипастырская признательность и благословеніе Божіе.

Изъ вѣдомостей, представленныхъ благочинными въ духовную консисторію усмотрѣно, что духовенство кievской епархіи не только ревностно и съ успѣхомъ занимается обученіемъ поселянскихъ дѣтей въ школахъ, учрежденныхъ при церквахъ, но по возможности содѣйствуетъ имъ и своими жертвованіями. Жертвованія эти состояли въ слѣдующемъ:

Кievскаго уѣзда: 1) м. Бышева священникомъ Никодимомъ Божкевичемъ устроены въ школѣ столы и скамьи и дается отопленіе.

2) с. Шпитокъ священникомъ Илею Стефановскимъ пожертвовано десять букварей.

3) с. Карашина священникомъ Василиемъ Викторевскимъ пожертвовано десять букварей.

Снайрскаго ульзда: 4) м. Паволчи священником Павлом Шпаковским пожертвованы книги, скамьи и доски.

5) с. Гнильца священником Ясоном Ефремовым пожертвованы буквари.

6) с. Озерь священником Принеемъ Ильяшевичемъ пожертвовано нѣсколько книгъ.

Звенигородскаго ульзда: 7) м. Шполы священникомъ Иоанномъ Стасивичемъ устроены столы и дается отопленіе.

8) Тамже священникомъ Петромъ Старжевскимъ устроены столы и скамьи и дается отопленіе.

9) с. Гнильца священникомъ Θεодосіемъ Баскевичемъ пожертвовано одинъ рубль сереб. на книги.

Уманскаго ульзда: 10) м. Иваньки священникъ Маціовичъ пожертвовалъ нѣсколько экземпляровъ историческихъ книгъ и арифметики, и устроилъ доску и скамьи.

11) с. Гордашовки священникомъ Сливницкимъ пожертвовано однадцать руб. и пятьдесятъ коп. сереб. на покупку книгъ и особо стъ сего онъ устроилъ столъ стулья и скамьи.

12) с. Романовки священникомъ Бавульскимъ пожертвовано 7 р. на покупку книгъ и устройство скамей.

Липовецкаго ульзда: 13) Предмѣстья г. Липовца священникомъ Данькевичемъ и его причтомъ отапливается школа.

14) м. Россоша священникомъ Демченкомъ пожертвованы буквари.

15) с. Кожанки священникомъ Балицкимъ пожертвованы буквари.

Радомысльскаго ульзда: 16) г. Радомысла причтъ соборной церкви на свой счетъ содержитъ учителя и покупаетъ нужныя книги.

17) с. Водотій священникомъ Сенаторскимъ пожертвованы книги.

Бердичевского уѣзда: 18) с. Лебединець священникомъ Доначевскимъ пожертвовано 1 руб. серебромъ на книги.

19) м. Спичинець священникомъ Четотомъ пожертвовано двѣ граматки, псалтирь, скамья, большой столъ и отопленіе.

20) с. Моңчина священникомъ Волошкевичемъ и причетникомъ Маркевичемъ пожертвованы двѣ иконы, столъ и часословъ.

21) м. Погребись священникъ Опововъ пожертвовалъ собственный домъ на училище, 30 букварей, 6 часослововъ, 2 псалтири и 2 новыхъ завѣта.

Черкасского уѣзда: 22) с. Орловца священники Ляховецкій и Моссаковскій пожертвовали буквари.

23) с. Деренковца священниками Кедриновскимъ и Чернявскимъ пожертвовано 40 букварей.

24) с. Великаго-староселья священникомъ Левицкимъ устроены 2 стола.

25) с. Лузановки священникомъ Залѣскимъ пожертвованы буквари, а дьячкомъ его Ключевскимъ дается отопленіе.

26) м. Мошень священникомъ Высоцкимъ пожертвовано 10 букварей и одна дѣвочка изъ круглыхъ сиротъ принята на его содержаніе, онъ же покупаетъ вещи необходимыя для рукодѣлья.

27) с. Бѣлозерья женою священника Хотинскаго Ириною приняты три бѣдныхъ дѣвочки, кои снабжаются всѣмъ нужнымъ матеріаломъ; и женою священника Жуковскаго Надеждою таковое же пособіе оказывается двумъ дѣвочкамъ.

28) с. Хмѣльной священникомъ Левицкимъ даются учебныя пособія двумъ мальчикамъ.

29) м. Межирича священникомъ Пилинскимъ приняты на все его содержание, до окончания учения, три дѣвочки.

30) с. Румеекъ священникомъ Калиновскимъ устроены столы для учениковъ, а женою его дается тремъ дѣвочкамъ пособіе до окончания учения.

31) с. Конончи священникомъ Прокоповичемъ приняты два мальчика на его счетъ, до окончания учения.

32) с. Тубилецъ священникомъ Калиновскимъ приняты два мальчика на его попечение.

33) с. Хрещатика священникомъ Трушевичемъ и его женою дается пособіе двумъ мальчикамъ и двумъ дѣвочкамъ, до окончания ихъ учения.

Каневского уѣзда: 34) м. Медвина священникомъ Левицкимъ пожертвованы буквари.

35) с. Дешокъ священникомъ Антоновскимъ пожертвовано 10 букварей и 2 часослова.

36) с. Хохотвы священникомъ Топачевскимъ пожертвовано 10 букварей.

37) с. Мироновки священникомъ Ковальскимъ пожертвовано 10 букварей, а его причетниками 50 коп. сереб. на книги.

38) м. Корсуна священникомъ Лебединцевымъ пожертвованы буквари.

39) с. Мисайловки священникомъ Слюкевичемъ пожертвованы буквари бѣднымъ ученикамъ.

40) м. Расавы священникомъ Ковальскимъ пожертвованы бѣднымъ ученикамъ буквари.

Васильковского уѣзда: 41) с. Темберщины священникомъ Өоменковымъ куплены книги для учениковъ.

Чигиринскаго уѣзда: 42) с. Новоселицы священникомъ Кудрицкимъ пожертвовано на годовое содержание учителя 45 руб. серебромъ.

43) м. Камянки священником Бинедкимъ пожертвовано 3 руб. сереб. на книги.

44) с. Янича священникомъ Слуцкимъ пожертвовано 10 букварей, 2 священныхъ исторіи, скамьи и столъ

45) с. Кохановки священникомъ Григоровичемъ пожертвованы книги для учениковъ, а просфорнею тогоже села дается отопленіе и собственный, для помѣщенія мальчиковъ, домъ.

46) м. Александровки священникомъ Волковскимъ пожертвовано на 1 руб. 50 коп. букварей.

47) с. Бирокъ священникомъ Синчевскимъ устроена школа, которая содержится на его счетъ, и нѣсколько крестьянскихъ дѣтей мужескаго пола находится на полномъ его содержаніи.

48) с. Болышки священникомъ Богдановымъ пожертвовано 6 руб. на буквари.

49) с. Ставидель священникомъ Лебединскимъ куплены книги для учениковъ.

50) с. Голиковой священникомъ Левицкимъ и церковнымъ старостою содержатся всѣ ученики.

По докладѣ о семъ высокопреосвященнѣйшему Арсенію, митрополиту кievскому и галицкому, его высокопреосвященство, резолюціей отъ 3-го сего апрѣля, повелѣлъ объявить всѣмъ симъ лицамъ архиастыреую свою признательность, вмѣнивъ въ обязанность благочиннымъ и наблюдателямъ сельскихъ школъ въ донесеніяхъ своихъ употреблять выраженія болѣе точныя и опредѣленныя.

С Л О В О

НА ВОСПОМИНАНИЕ СТРАСТЕЙ ГОСПОДНИХЪ (*).

Не судихъ вѣдѣти что въ васъ, точно Иисуса Христа, и сего распята.

1. Кор. 2, 2.

Вотъ почему св. церковь, какъ нынѣ предлагала намъ, такъ и въ другія времена столь часто предлагаетъ одинъ и тотъ же образъ спасительныхъ страданій и смерти Господа нашего Иисуса Христа: она слѣдуетъ примѣру ап. Павла, который одного желалъ паче всего, чтобъ вѣрующіе знали, кто ихъ Спаситель, чтобъ предпочитали всѣмъ знаніямъ ученіе о крестѣ Господа, объ искупительной жертвѣ Его за грѣхи всего міра. Не судить и церковь вѣдѣти что въ насъ, точно Иисуса Христа и сего распята.

Не устраниются ли чрезъ это другія знанія, очень важныя и полезныя для человѣка? По видимому, и безъ ученія объ Иисусѣ Христѣ распятомъ, могутъ стоять ученіе о Богѣ Творцѣ и Промыслителѣ, ученіе о человѣкѣ, ученіе о нашихъ обязанностяхъ и нашемъ назначеніи, а въ самомъ дѣлѣ, всѣ сии ученія тогда только имѣютъ свою полноту и истину, тогда дѣлаются животворными для ума и сердца нашего, когда утверждаются на ученіи объ Иисусѣ Христѣ, да и всѣ важнѣйшія истины спасительно познаются только при свѣтѣ креста Господня.

(*) Произнесенное въ киево-софійскомъ кафедр. соборѣ протоіереемъ Іоанномъ Скворцевымъ.

Истинно такъ, христіане, братія. Что зналъ бы человекъ о Богѣ, не познавая Іисуса Христа? Правда, видно изъ опытовъ мудрости языческой, что духъ нашъ способенъ возвышаться къ понятію о единомъ Высочайшемъ (ушествѣ, какъ о виновникѣ и владыкѣ міра; но видно и то, что, при испорченности нравственной, онъ не въ силахъ правильно уразумѣть Бога, неспособенъ познать въ Немъ Отца любвеобильнаго, познать не только творца и промыслителя, но и спасителя грѣшниковъ, и особенно познать то, какъ примиряется въ этомъ безконечномъ Существовѣ всесовершенная благодать со всесвятимъ правосудіемъ, т. е. какъ, не нарушая правосудія, Богъ можетъ простить человекъ—преступника всесвѣтой воли Его и омраченное грѣхомъ естество наше принять паки въ блаженное общеніе съ Собою. Богъ мудрствующихъ не по Христу не есть Богъ истинный, не есть тотъ Богъ, къ которому могъ бы съ сыновнею любовію устремиться нашъ духъ, и звать съ Богопрсвѣщеннымъ Давидомъ: *Боже сердца моего, и часть моя, Боже, во вѣкъ* (Пс. 72, 26)! Вѣрно слово св. Іоанна Богослова: *Бога никтоже видѣ нигдѣже, Единородный Сынъ, сый въ лонѣ Отчи, той исповѣда* (Іоан. 1, 18). Онъ одинъ, въ самомъ Себѣ, благоволилъ явить намъ *благодать и истину*, явить и безконечную благодать Божию, и всесовершенную правду, явить всѣ высочайшія свойства Божіи въ возможно полномъ и чистомъ для насъ свѣтѣ. И гдѣ все это явилъ Господь по презумпству? Въ своей искупительной жертвѣ за грѣхи всего міра. Воззри, человекъ, стengahій подъ бременемъ грѣховъ, на крестъ Единороднаго Сына Божія, и виждь, какъ здѣсь *милость и истина срѣтосться* чтобы спасти тебя, *правда и миръ облобызастся* (Пс. 84, 11), чтобы простить и очистить вины твои. Не безъ удовлетворенія правды Божіей, не безъ довлеющей пѣны прощаются тебѣ грѣхи, но, смотри, ради какой безконечно-великой, божественной жертвы! Ради всесвѣтой, дражайшей всего міра крови!

Сына Божія, изливаемой для тебя на крестѣ, ради безмѣрныхъ страданій Его и смерти крестной, которая воспріялъ Онъ волею за насъ грѣшныхъ. Что возжелѣннѣе и радостнѣе той благодати, которая даруетъ намъ погибающимъ Спасителя въ самомъ Сынѣ Божіи и что строже и грознѣе той правды, которая подвергла Богочеловѣка, повесшаго безмѣрное бремя грѣховъ нашихъ, столь лютымъ мученіямъ крестнымъ? *Тако возлюби Богъ міръ, т. е. насъ грѣшныхъ, яко и Сына своего единороднаго далъ есть въ жертву за грѣхи міра!* (Іоан. 3, 16).

Познавая такимъ образомъ и милосердіе и правосудіе Божіе во Христѣ, чего еще не познаемъ мы о Богѣ? Благоговѣемъ предъ Его безконечною премудростію, изобрѣвшею столь непостижимо—великое средство для спасенія человѣка, для возстановленія въ немъ образа Божія; познаемъ всемогущество любви вѣчной, устрояющей новую вселенную, новое царство благодати и истины, творящей новыя, славнѣйшія чудеса въ родѣ человѣческомъ; сознаемъ и блаженнотворную близость къ намъ всевысочайшаго Существа, какъ Отца къ чадамъ; поклоняемся всей Пребожественной Троицѣ—Единицѣ,—Отцу, даровавшему намъ Сына Своего и съ Нимъ вся дарствующаго, Сыну, усвояющему намъ свои заслуги божественныя, и приводящему насъ яко сыновъ къ вѣчному Отцу своему, и Духу Святому, благодатными дарами своими утверждающему наше общеніе съ Господомъ и наши права на наслѣдіе вѣчное. Всѣмъ этимъ мы обязаны Тебѣ, Агнче Божій, взявляй грѣхи міра, Тебѣ, Свѣту міра и Источнику нашей жизни! Безъ Тебя мы былибы навѣкъ отчуждены отъ Бога, былибы *упованія не имущи и безбожни въ міръ* (Еф. 2, 12).

Безъ Иисуса Христа, что моглибы мы знать и о себѣ самихъ, о нашемъ будущемъ назначеніи, о нашихъ отношеніяхъ къ Богу и другъ къ другу? Вотъ видимъ, какъ мудрствовали и мудрствуютъ о человѣкѣ только по человѣку, а не по Христѣ.

Мудрецы міра или до того видѣаютъ природу человѣческую, что признаютъ и духъ нашъ, существо богоподобное, какимъ до тонкимъ веществомъ и въ удѣлъ ему назначаютъ глѣніе и уничтоженіе; или, напротивъ, такъ безмѣрно возвышаютъ человѣка, что хотятъ видѣть въ душѣ человеческой существо самобытное, совершенно независимое, а разуму нашему усвояютъ права божественныя. Первые мудрствуютъ до плоти, живутъ плотию и для плоти, упраздняя въ себѣ всякое чувство добра и самую совѣсть и обращая душу къ одной землѣ и земной пищѣ. Другіе, повидимому, мудрствуютъ по духу, но не по духу Божію, а по духу враждебному Богу, по духу гордости и самопрельщенія. Отъ тѣхъ, плотскихъ мудрователей, прилично повторить слово ап. Петра: *си яко скоти животни, естествомъ суще въ погибель, въ истлѣніи своемъ истлѣютъ* (2 Петр. 2, 12), а къ каждому мудрствующему по духу гордости справедливо отнестъ это слово ап. Павла: *разгордѣся, ни чтоже въдыи* (1 Тим. 6, 4), *яже не увѣдь ума, безъ ума дмяся отъ ума плоти своея, а не держа главы, изъ неяже все тѣло, составы и союзы подаемо и сцелемо, раститъ возвращеніе Божіе* (Кол. 2, 18, 19). Въ союзъ съ сею божественною главою не можетъ быть истиннаго возвращенія и преуспѣянія добра во всемъ родѣ человѣческомъ, во всѣхъ нашихъ наукахъ и учрежденіяхъ, во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ.

Что же познаешь ты, христіанинъ, когда смотришь на природу человѣческую въ зеркалѣ креста Христова? И ты видишь униженіе ея; ибо видишь, какъ грѣхъ помрачилъ первобытное ея достоинство, оплакиваешь потерю невинности ея и святости, ея совершенства богоподобнаго, и ужасаешься предъ висящимъ надъ ней гнѣвомъ и проклятіемъ Божіимъ; но это только смиряетъ тебя, и въ покаяніи повергаетъ въ прахъ предъ несвятою правдою Божіею. Въ то же время ты не можешь не сознать и достоинства безсмертной души твоей; ибо видишь, что

для очищенія и спасенія ея проливается на крестѣ крови самаго Сына Божія, что крестомъ Божественнаго Спасителя тебѣ отверзается рай уже не земной, а небесный, ты приемишься въ число чадъ Отца Небеснаго и дѣлаешься сонаслѣдникомъ Христовымъ. И что же? питаетъ ли это гордость твою? Напротивъ, это опять смиряетъ тебя; ибо во всемъ этомъ усматриваешь ты одно милосердіе Божіе, одну благодать Спасителя, ничѣмъ тобою незаслуженную, и ты тѣмъ паче сознаешь свою немощь, свое недостойнство предъ Всесвятымъ и Премилосердымъ. Любовь Божія, возжегшая на крестѣ страшную жертву за грѣхи твои, возжигаетъ и твое сердце въ жертву вѣры и любви къ твоему Господу, влечетъ все существо твое въ блаженное общеніе съ Нимъ и располагаетъ тебя ко всему, что свято, благочестно и благоугодно предъ Нимъ. Ты изъ глубины смиреннаго и любящаго сердца взываешь къ Нему: Господи, если Ты столько возлюбилъ меня, столько потерпѣлъ и столько благъ неизреченныхъ заслужилъ для меня; могу ли я не возлюбить Тебя? откажусь ли отъ какой жертвы для Тебя и не поставлю ли союзъ съ Тобою выше всѣхъ благъ и достоинствъ міра? — Но, всеблагій и премилосердый, самъ по себѣ я не могу сотворить ничего добраго, не оставляя убо меня твоею всемогущею благодатию, содѣйствуй мнѣ твоею божественною силою, и не допусти меня вновь погибнуть отъ моей немощи и моего неразумія! — Потомъ, христіанинъ, когда просвѣщаемый крестомъ Господнимъ ты обращаешься къ ближнимъ, къ собратіямъ твоимъ, что можешь ты чувствовать къ нимъ, что помышлять о нихъ? — И ихъ такъ же возлюбилъ Господь, какъ и тебя, и ихъ призываетъ всѣхъ въ отверстое крестомъ Его царство Божіе. Можешь ли ты питать къ нимъ ненависть или зависть? Можешь ли превозноситься предъ ними, сознавая, что ты такой же грѣшникъ самъ по себѣ, какъ и послѣдній изъ ближнихъ твоихъ, и послѣдній изъ нихъ такое же право имѣетъ на милосердіе

Боже, какъ и ты?—Такъ крестъ Христовъ научаетъ насъ и всесовершенной сыновней любви къ Богу Спасителю нашему и взаимной братской любви ко всѣмъ нашимъ ближнимъ!

Не открываетъ ли крестъ Господень важнѣйшихъ истинъ въ самой природѣ внѣшней, не возвышаетъ ли самага естествознанія?— Положимъ, что познанія земныхъ вещей и внѣ христіанства могутъ быть пріобрѣтаемы и обращаемы къ многоразличной пользѣ жизни общественной. Но не забудемъ, что только въ христіанствѣ естествознаніе подвинуто къ замѣтному совершенству и очищено отъ многихъ предразсудковъ и заблужденій древнихъ. А важнѣе всего то, что только здѣсь, только ученіемъ Христовымъ и Его крестомъ примиряются видимыя противорѣчія въ природѣ, гдѣ находимъ и стройность въ цѣломъ и разстройство въ частяхъ, и жизнь и смерть, и добро и зло по всей землѣ; ибо здѣсь, только въ ученіи объ искупленіи, познается и истинное происхожденіе зла въ природѣ и послѣднее ея назначеніе. Не смущайся, христіанскій естествоиспытатель, если ты, разсматривая премудрость Творца въ природѣ, находишь въ ней и суету, и тлѣніе, и вражду: это слѣдствія грѣха нашего первобытнаго, это отраженіе нашего зла, которое упразднить пришелъ самъ Творецъ, пріавшій естество наше, а ученіе объ Искупителѣ да увѣритъ тебя, что *сама тварь нѣкогда свободится отъ работы истлѣнія въ свободу славы чадъ Божіихъ* (Римл. 8, 21). Не гордись также, если ты открываешь въ природѣ новыя для тебя силы и законы, и заставляешь ее служить тебѣ: лучше смирайся предъ Высочайшимъ художникомъ ея, и примѣчай, что природа повинуется тебѣ потому только, что вѣрна законамъ Творца своего, она слушаетъ тебя потому, что ты повелѣваешь ей именемъ вседержавнаго Владыки ея. Смотри, вѣрностію своимъ законамъ природа обличаетъ тебя въ невѣрности твоимъ законамъ внутреннимъ, начертаннымъ на скрижаляхъ сердца твоего.

Благо убо намъ, бр , благо для всего человѣчества, что св. апостолы и вся церковь предлагаютъ всякому вѣрующему, какъ самое важное и паче всѣхъ ученій необходимое, познаніе *Исуса Христа и сего распята*, предлагаютъ познаніе Его не только, какъ просвѣтителя невѣждъ, искоренителя вредныхъ предразсудковъ, но преимущественно какъ освободителя душъ нашихъ отъ рабства грѣховнаго и духовной смерти, нашего Освятителя и Ходатая предъ Богомъ.

Да утверждается же и преуспѣваетъ во всѣхъ насъ это единственное званіе, этотъ корень и основаніе, это утвержденіе и оплодотвореніе всѣхъ знаній. *Да не бываемъ ктому младенцы, влающиеся и скитающиеся всякимъ вѣтромъ ученія во лжи человѣчестей, въ коварствѣ козней льщенія; истинствующе же въ любви, да возрастимъ въ Него всяческая, иже есть глава Христосъ* (Еф. 4, 14. 15). **Аминь.**

(*) См. стр. 65. Описаніе крестовъ въ юрисдикціи
Россіи, соизд. Филарета, стр. 87.

ШКОЛЫ ПРИ СЕЛЬСКИХЪ ЦЕРКВАХЪ ВЪ КІЕВСКОЙ ЕПАРХІИ.

Въ кіевской губерніи, какъ и во всей малорос-
сіи, простой народъ до сихъ поръ называетъ домъ
причетниковъ *школою*, дьячка, въ веселый часъ,
титuluетъ *бакаляромъ*, паномъ *директоромъ*. Это
показываетъ, что дьячекъ и его бѣдная хижина
нѣкогда дѣйствительно были въ деревнѣ тѣмъ, что
выражаютъ эти названія. Гораздо прежде конца 16
вѣка, т. е. до начала систематическаго образованія
въ южной Россіи, видимъ при церквахъ приходскихъ,
а также и при монастыряхъ *школы*, въ которыхъ
дѣти прихожанъ обучаются церковному чтенію и
пѣнію, обыкновенно подъ руководствомъ дьячка, въ
отведенномъ для него домѣ, или же, въ болѣе зна-
чительныхъ мѣстахъ, наир. городахъ, подъ руковод-
ствомъ нарочитаго *бакаляра*. Эти плоды выростали
здѣсь, безъ сомнѣнія, изъ тѣхъ сѣменъ, которыя
вложены въ здѣшнюю почву Ярославомъ, застав-
лявшимъ «нарочитыя чяди» (лучшихъ людей) от-
давать своихъ дѣтей «на ученіе книжное» (*), и под-
держивались постоянною нуждою въ людяхъ грамот-

(*) Лавр. лѣт стр. 65. Опис. кіево-соф. собора, въ
прилож. подъ № 41; о церковн. братствахъ въ югозапад.
Россіи, соч. свящ. Флерова, стр. 87.

ныхъ. И это были въ то время единственные разсадники русской учености, развивавшейся посредствомъ чтенія свящ. писанія, сочиненій св. отцовъ и учителей церкви, лѣтописей, сказаній и под. Въ концѣ 16 вѣка, когда начали появляться и утверждать за собою право гражданства въ наукѣ школы братскія, значеніе школъ приходскихъ не уничтожилось, а только ограничилось. Тогда же мы находимъ и прямое указаніе на ихъ главную задачу и характеръ. Патріархъ Іеремія, ограничивая въ Львовѣ, въ 1590 году права частныхъ, прежнихъ учителей въ пользу новоустроенной школы братской, оставляетъ однакожь за священниками право «учить одного или двухъ дѣтей для прислуги, но не болѣе» (*). Въ то время духовенство не составляло еще особаго сословія;—на служеніе церкви могъ поступать каждый изъ прихожанъ, грамотный и обученный церковному Богослуженію. Каждый священникъ и приходъ сами заботились, поэтому, о приготовленіи будущихъ священно и церковнослужителей своей церкви. Каждый приходъ, такимъ образомъ, имѣлъ нужду въ школѣ, и школы эти имѣли главнымъ назначеніемъ своимъ приготовленіе для церкви «прислуги», т. е. церковнослужителей, способныхъ потомъ занять и мѣсто священника. Въ 18 вѣкѣ мы ближе знакомимся съ этими школами. Въ каждомъ приходѣ, въ домѣ дьячка ютится по нѣскольку мальчиковъ, преимущественно изъ сиротъ или же дѣтей бѣдныхъ прихожанъ. Подъ непосредственнымъ руководствомъ дьячка, они изучаютъ букварь, часословъ и псалтырь. Навыкнувшій бѣглому чтенію часослова участвуетъ съ дьячкомъ на елиросѣ. Изучившій такимъ образомъ и псалтырь начиналъ практически обучаться церковному уставу и причетническимъ обязанностямъ: онъ прислуживалъ въ оитарѣ, читалъ псалтырь надъ покойникомъ, участвовалъ въ обхожденіи прихода

(*) Памят. кiev. ком. Т. III, № 5, пунктъ II.

съ крестомъ, съ молитвою, съ св. водою и во всѣхъ вообще церковныхъ требахъ. Кто приобрѣлъ уже навыкъ въ этомъ служеніи, тому отъ прихожанъ и священника давался титулъ *поддьячего, марчука, псаломщика, церковника* и под. Такихъ лицъ, кромѣ начинавшихъ изучать букварь, было въ приходѣ иногда по пяти и болѣе. Всѣ онѣ слыли подъ названіемъ школярей, формально признавались отъ прихожанъ церковниками, и, живя при школѣ, имѣлись ими въ виду при каждомъ вознагражденіи дьячка за требы церковные, при частныхъ пожертвованіяхъ ему, при *роковщинѣ* и под. Цѣлю всей этой жизни было добыть себѣ мѣсто пономаря или дьячка, какъ степени къ священству. Когда выбывалъ въ приходѣ дьячекъ, громада избирала на его мѣсто изъ *школярей* болѣе послужившаго и честнаго. На много же, особенно честнаго и практичнаго, имѣвшаго законныя лѣта (30), палалъ выборъ и въ священники въ свой или въ другой приходъ, гдѣ знали о его достоинствахъ. Не снискавшій благосклонности громады, своей или чужой, оставался школяромъ и церковникомъ иногда до преклонныхъ лѣтъ.

Такимъ образомъ, сельскія школы, существовавшія на югѣ Россіи до конца 18 столѣтія, не были школами собственно народными; онѣ имѣли цѣлю не столько образованіе прихода, крестьянъ, сколько болѣе приготовленіе церковнослужителей. Грамотность прихода была для нихъ дѣломъ постороннимъ, случайнымъ; богатый крестьянинъ поручалъ сына своего дьячку только въ видахъ роскоши; на грамоту смотрѣли въ деревнѣ, какъ на ремесло, назначенное въ удѣлъ тому, кто лишенъ возможности изъ дѣтства навыкнуть хозяйству. Съ другой стороны, это были школы грамотности—въ самомъ узкомъ ея значеніи. Тогдашняя наука первоначальная сказалась въ нихъ только своею голою формою, а не содержаніемъ, мыслію. Дѣти учили букварь, часословъ и псалтырь только для того, чтобы навыкнуть чтенію и другихъ церковныхъ книгъ, участвовали при совершеніи обря-

довь, чтобы навикнуть уставу и приемамъ причетническимъ. Изъясненіе молитвъ, заповѣдей, символа вѣры, входящихъ въ составъ букваря, обрядовъ и пѣсней, положенныхъ въ часословѣ, псалмовъ Давидовыхъ, — все это не входило въ программу школы.

Въ такомъ видѣ сельскія школы перешли и въ настоящій вѣкъ. Академія кievская и семинарія переяславская не могли уничтожить нужды въ нихъ, потому что, съ одной стороны, количество воспитанниковъ, искавшихъ собственно церковной службы, было слишкомъ незначительно въ сравненіи съ потребностями православнаго населенія всей почти малороссіи, бѣлороссіи и галиции, для которыхъ онѣ были единственными училищами православія, съ другой стороны — полученіе церковной должности въ приходѣ зависѣло тогда отъ выбора прихожанъ. Педагогическое значеніе дьячка не прекращалось въ деревнѣ, и продолжало привлекать къ нему крестьянскихъ сиротъ, оставленныхъ безъ приюта и возможности практиковаться въ хозяйствѣ деревенскомъ (*). Но оно значительно сѣзусилось, когда, съ присоединеніемъ этаго края къ Россіи (1794), уничтожено право вольныхъ школярей на причетничество и священство; духовное сословіе стало и зѣсь строго отдѣленнымъ въ народѣ кружкомъ, за которымъ единственно осталась церковная служба всѣхъ родовъ.

Мысль о образованіи собственно простаго народа, о школахъ для крестьянъ часто являлась въ Россіи въ продолженіи прошлаго, особенно настоящаго вѣка. Но она падала, не успѣвъ выказаться опредѣленно; условія крестьянскаго быта и состояніе всего русскаго общества далеко не соотвѣтствовали ея требованіямъ. Рѣшительная попытка къ осуществленію этой мысли сдѣлана въ первый разъ въ 1828 году самимъ правительствомъ; по Высочайшему по-

(*) *Народ. чтеніе* 1860 г. № 2 Письмо Тар. Гр. Шевченка къ редактору народ. чтенія.

величїю составлены тогда и разосланы повсюду правила для обученїя крестьянъ. Но проходили годы, а къ заведенїю школъ някто не приступалъ, и этой рѣшительной попыткѣ грозила участь ей предшествовавшихъ, если бы случай не вызвалъ участїя въ ней духовенства.

Въ 1835 году, св. Синодъ, разсуждая о мѣрахъ къ ограниченїю раскола въ олонеккой губерніи, гдѣ онъ въ то время сильно началъ развиваться, и увѣрившись, что сила раскола держится единственно наружнымъ невѣжествомъ, призналъ лучшею мѣрою къ прекращенїю постоянныхъ совращенїй въ расколъ обученїе простаго народа истинамъ вѣры и духу церковнаго Богослуженїя. Поэтому, тогда же опредѣлено устроить школы для дѣтей крестьянскихъ, подѣ надзоромъ духовенства, во всѣхъ епархіяхъ, гдѣ есть раскольники. Въ кїевской епархіи считалось тогда около двухъ тысячъ раскольниковъ, поэтому распоряженїе о крестьянскихъ школахъ распространено и на нее. Двама указами 1836 и 1837 года повелѣно при каждой церкви завести школы для крестьянскихъ дѣтей, по всей епархіи, подѣ непосредственнымъ завѣдыванїемъ священниковъ и причетниковъ. Равнымъ образомъ и каждый монастырь обязанъ былъ открыть такія же школы для дѣтей штатныхъ служителей своихъ. Касательно предметовъ и метода обученїя указы эти не содержали ничего болѣе, кромѣ общихъ предписанїй, выраженныхъ въ правилахъ 1828 года. Въ нихъ сказано: обучать чтенїю церковной и гражданской печати, а желающихъ и письму; между тѣмъ должно изучать на память молитву Господню, символъ вѣры, десять заповѣдей, стихъ »Богородице Дѣло«, къ чему учащїй присовокупить краткое и самопростѣйшее изъясненїе оныхъ изъ катихизиса и главнѣйшія сказанїя изъ свящ. исторїи, передавая сіе изъясненїе въ видѣ разговоровъ и расказовъ, по временамъ и случаямъ возобновляемыхъ безъ школьной принужденности и буквальнаго вытверживанїя на память. Окан

завшимъ успѣхи въ церковномъ чтеніи въ праздничныя дни велѣно давать мѣсто на клиросѣ, пріохочивать ихъ къ церковному пѣнію, и по возможности употреблять къ церковному чтенію». Школы повелѣно было открывать въ домахъ самихъ священниковъ или причетниковъ. Ученіе начинать 1 сент. и оканчивать 1 го мая. Въ продолженіи четырехмѣсячныхъ каникулъ дѣти должны были собираться въ школу по праздникамъ и воскресеньямъ для повторенія пройденныхъ уроковъ. Книги должно было покупать на кошелековыя церковныя деньги. Ближайшій надзоръ за обученіемъ поручался мѣстнымъ благочиннымъ, которые обязаны были часто осѣдомляться по ходѣ ученія, дѣлать испытанія въ присутствіи помѣщиковъ, и чрезъ каждое полугодіе доносить обо всемъ епархіальному начальству. Такія школы повелѣно было завести, гдѣ можно, и для дѣвочекъ, подъ надзоромъ священническихъ вдовъ.

Но когда приступили къ исполненію этого плана, то сразу встрѣтились съ множествомъ вопросовъ, рѣшеніе которыхъ показывало, что дѣло народнаго образованія еще впереди, что попытка къ образованію крестьянскихъ школъ не можетъ быть осуществлена безъ предварительныхъ и смѣлыхъ реформъ въ самомъ быту крестьянъ. Среда, вѣками закрѣпленная въ однихъ и тѣхъ же формахъ чернорабочества, глядѣла на науку и грамотность, какъ на лишній для себя трудъ и помѣху въ обыкновенныхъ, сродныхъ ей занятіяхъ. Съ другой стороны, тогда же должно было открыться и то, какъ мало понята въ этой попыткѣ идея обученія народнаго, и какъ много должно было еще сдѣлать для уясненія ея. Укажемъ главнѣйшія затрудненія въ этомъ дѣлѣ.

Самое сильное изъ нихъ встрѣчалось въ отношеніяхъ крестьянъ къ своимъ владѣльцамъ. Крѣпостное положеніе этого края достигло въ то время, повидимому, послѣдняго развитія. Указъ 18 марта 1818 года, ограничивавшій произволъ владѣльцевъ,

и дававшій крестьянину довольно свободнаго времени (*), не оставилъ здѣсь и слѣдовъ своихъ. Произволь, послѣ неудачной попытки части польскаго населенія къ соединенію съ варшавскими и подольскими конфедератами (1831 г.), принялъ по мѣстамъ характеръ національной непріязни, недовѣрчивости, пророчившей неудачу каждому предпріятію въ пользу крестьянъ, требовавшему сочувствія владѣльцевъ. Крестьяне вообще обязаны были тогда работами на помѣщика во всѣ дни недѣли, кромѣ праздниковъ и воскресныхъ дней, но этими послѣдними днями они спѣшили воспользоваться для собственныхъ работъ, такъ что всѣ возрастные были заняты работами даже въ страстную седмицу, на которой едва могли улучшить одинъ день для исповѣди и приобщенія св. таинъ. Крестьянскія дѣти, поэтому, начиная съ 8 лѣтъ, были необходимѣйшими помощниками своихъ родителей, и всегда имѣли свои занятія въ домѣ, исправляя мѣлкія хозяйственныя работы, досматривая меньшихъ дѣтей и под. Но и эти послѣдніе, начиная съ 10-ти лѣтъ, уже получаютъ назначеніе въ хозяйствѣ владѣльца, и приставлялись—одинъ или нѣсколько къ комнатнымъ услугамъ, тѣ къ панскому гусятнику, курятнику, телятнику и под., другія къ плугу, боронѣ и проч. Поэтому, не было никакой возможности примирить обязанности школы съ обязанностями крестьянства. Иной крестьянинъ радъ отпустить сына въ школу, но не можетъ поручиться за свободу его отъ работъ на владѣльца, и потому отсылалъ священника къ этому послѣднему. Владѣльцы большею частію, по видимому, не препятствовали ни крестьянамъ, ни священнику въ устройствѣ постоянной школы. Обученіе начиналось, ученики умножались въ школахъ; но пройдетъ недѣля, другая, и экономическій прикащикъ прекращалъ ея существованіе, на-

(*) По этому указу, крестьяне должны были отбывать барщины—въ зимнее время по 3 дня отъ двора,—въ лѣтнее по 6 дней отъ души.

значивъ большей части дѣтей постоянныя занятія въ экономическомъ хозяйствѣ. Иные же владѣльцы презрительно относились къ самой мысли объ училищахъ для крестьянъ. Прямое содѣйствіе священникамъ въ учрежденіи школъ показали только помѣщики: м. Кагорлыка (кіев. уѣз.), м. Корсуня (канев. уѣз.), с. Гопчицы (сквр. уѣз.) и с. Ковшоватой (тараш. уѣз.); въ этихъ мѣстахъ школы приняты подѣ непосредственное вѣдѣніе самыхъ помѣщиковъ, и получили отъ нихъ всѣ средства (кромѣ с. Ковшоватой, гдѣ школа скоро упала), такъ что съ тѣхъ поръ онѣ не прекращаются доселѣ. Мы вовсе не беремся здѣсь рѣшать, на сколько дѣйствительна эта причина тогдашняго неуспѣха крестьянскихъ школъ; мы изложили это дѣло только такъ, какъ изложено оно въ формальныхъ донсеніяхъ епархіальному начальству, чтобы видѣть затрудненія, въ которыя поставлялось тогда сельское духовенство — распоряженіемъ о школахъ. Несомнѣнно только то, что на эти донсенія, предъявленныя владѣльцамъ чрезъ гражданское начальство, вполнѣ удовлетворительнаго опроверженія въ свое время не послѣдовало.

Само сельское духовенство еще не могло уладить и успѣшно вести дѣло народнаго обученія. Дѣло это, повидимому такъ простое и такъ непосредственно связанное съ прямыми его обязанностями, показалось для него новымъ, чуждымъ, и вызвало множество болѣе или менѣе основательныхъ въ его положеніи вопросовъ, рѣшенія которыхъ оно напрасно искало въ окружавшей его средѣ, и только истомлялось въ борьбѣ съ нею и съ самимъ собою. 1) Какъ вызвать въ крестьянахъ и владѣльцахъ согласіе на устройство и постоянное усердіе къ школѣ, когда крѣпостной бытъ и привычныя, вѣками закрѣпленные обычаи, стоятъ противъ нихъ, считаютъ обученіе занятіемъ лишнимъ, ничего неприносящимъ для нихъ, и напротивъ только отнимающимъ рабочія силы? Думали подвинуть дѣло исключительно полицейскими мѣрами, и отовсюду просили епархіальное начальство свестись

съ гражданскимъ, чтобы оно *заставило* помѣшниковъ не отвлекать дѣтей отъ школы, а крестьянъ отпускать ихъ, снабжать учебниками, не прерывать ихъ занятій и под. Не нужно говорить, насколько уладили бы это дѣло полицейскіе приемы. Но тогдашній священникъ, видѣвшій въ деревнѣ только личный произволъ и принужденіе, и убѣждавшійся въ исключительной власти и силѣ полиціи, иначе и не могъ самъ собою рѣшать этого вопроса. 2) Какъ помирить трудъ въ отношеніи къ школѣ съ собственными хозяйственными занятіями? Прежде всего, какъ, безъ крайняго стѣсненія себя и своего семейства, помѣстить школу въ собственномъ домѣ, когда въ то время не было по деревнямъ для духовенства общественныхъ квартиръ, — каждый священникъ долженъ былъ имѣть собственный домъ со всѣми хозяйственными службами, отъ чего многіе жили въ наемныхъ крестьянскихъ избахъ, объ одной комнатѣ, а строившіе ихъ на собственный счетъ не имѣли возможности построить ихъ болѣе, чѣмъ объ одной или двухъ комнатахъ? Большою частію, поэтому, требовали для школы общественнаго дома. Но понятно, какъ посмотрятъ на это требованіе въ деревнѣ, гдѣ самая мысль о школѣ казалась тогда странною и несомвѣстимою съ занятіями и потребностями крестьянина. Иные священники, по воспоминанію о минувшихъ временахъ, относя дѣло школы къ обязанностямъ дьячковъ, думали помѣстить ее въ домахъ сихъ послѣднихъ. Но если священникъ въ этомъ отношеніи былъ стѣсненъ, то дьячекъ гораздо болѣе. Обыкновенно, тогдашніе причетники, большою частію ведя холостую жизнь, были нахлѣбниками достаточныхъ крестьянъ, которые и давали имъ пріютъ и кормили ихъ или за незначительную плату, или за *приучиваніе* ихъ дѣтей къ грамотѣ. Въ рѣдкой деревнѣ существовала *школа*; и это была жалкая избушка съ покосившимися стѣнами, безъ всякихъ другихъ службъ, такъ что единственная въ ней комната служила вмѣстѣ и кухней, и кладовою, и амбаромъ, подъ часъ и сараемъ.

Если и усаживали въ этой комнаткѣ *школярей*, то неболѣе трехъ, или пяти, но и тѣ безпрестанно прерываемы были въ своихъ усиліяхъ надъ *грамотою* то всегдашнимъ шумомъ и хлопотами дьячковскаго или крестьянскаго семейства, то участіемъ въ хозяйственныхъ занятіяхъ дьячка. Таковы дѣйствительно и были большая часть изъ заведеннымъ и числившихся тогда въ епархіальныхъ отчетахъ школъ. Далѣе: какъ, безъ крайняго ущерба для собственнаго хозяйства, ежедневно, въ продолженіи большей части года, отрывать себя отъ него для занятій съ дѣтьми, когда, въ тогдашнемъ положеніи священника, хозяйство составляло преимущественное и почти исключительное средство его содержанія? Этотъ вопросъ смутно стоялъ въ мысляхъ тогдашняго духовенства сельскаго, возбуждалъ въ немъ разные толки, передавался епархіальному начальству и не находилъ прямого и близкаго къ нему рѣшенія. Отсюда, многія изъ тогдашнихъ школъ заведены были и считались только на бумагѣ; дѣти, разъ собранныя и поименованныя въ первоначальномъ спискѣ, отмѣчались дѣйствительно учащимися и на будущее время, собирались иногда *проволыать* молитвы, и вообще принимались за занятія тогда, когда священникъ или дьячекъ улучалъ свободное отъ хозяйственныхъ заботъ время. 3) Какъ пріобрѣтать учебники? Духовнымъ начальствомъ разрѣшено было употреблять для этого церковную кошелековую сумму. Но эта сумма въ большей части приходовъ оказывалась крайне незначительною, часто отъ 5-ти до 1 руб. сер., и вообще всегда имѣла свое назначеніе въ постоянныхъ расходахъ церковныхъ. Почти всюду требовали, чтобы крестьяне на свой счетъ пріобрѣтали для своихъ дѣтей книги. Но, какъ бы въ отвѣтъ на такое требованіе, повсюду въ вѣдомостяхъ съ этихъ школахъ всегда читаемъ одну неизмѣнную отмѣтку: «нѣтъ книгъ и нѣтъ средствъ покупать ихъ». Крестьянинъ не станетъ тратить денегъ, пока не увидитъ пользы практической отъ этой затраты. 4) Чему и какъ обучать? Къ чему

направлять науку? Надъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ, повидимому, самыхъ трудныхъ, самыхъ основныхъ, нисколько однакожь не задумывались. Курсъ и методъ обученія вѣками закрѣпленъ былъ за деревнею; все тогдашнее сельское духовенство, какъ воспитавшееся въ кievской семинаріи и училищахъ, такъ и необучавшееся въ нихъ, неминуло этого курса и не знакомо было съ другимъ первоначальнымъ способомъ обученія. Его тотчасъ подняли и приложили къ дѣлу, нисколько не подозрѣвая его крайней отвлеченности для простолюдина и необходимости болѣе полнаго курса и болѣе близкихъ къ быту селянина приемовъ и приложений. Навыкнувъ бѣглому чтенію по часослову и псалтыри, мальчикъ оканчивалъ полный курсъ ученія, и возвращался навсегда къ обычнымъ деревенскимъ занятіямъ. Читать свободно другія церковныя книги онъ могъ только послѣ долгаго и усерднаго упражненія на клиросѣ. Никто не думалъ, что можно покончить съ механизмомъ чтенія надъ однимъ букваремъ, что, при изученіи въ немъ молитвы господней, символа вѣры, десяти заповѣдей и счисленія евангельскихъ блаженствъ, дѣлъ милосердія и под., можно и должно объяснить мальчику кратко катихизисъ и внушить ему правила нравственности христіанской. — что при чтеніи часослова можно и должно раскрывать предъ нимъ духъ и требованія церковнаго богослуженія, — при чтеніи псалтыря уяснять духъ церковной молитвы, различныя душевныя потребности и состоянія христіанина, многія нравственныя обязанности и под., и потомъ кратко изложить для него понятіе о св. писаніи. Никто не думалъ о необходимости поддерживать и развивать въ мальчикахъ полученныя ими въ школѣ свѣдѣнія, посредствомъ чтенія книгъ, толкованія по праздникамъ дневныхъ евангелій, посланій апостольскихъ и проч. и проч; *школяръ*, предоставленный самому себѣ, скоро забывалъ и грамоту, и, сдѣлавшись хозяиномъ, жалѣлъ, можетъ быть, о потерянномъ времени. Съ этой стороны школы представлялись и для

владѣльцевъ, и для крестьянъ, и для самаго духовенства дѣйствительно бесполезными, отнимающими у нихъ только трудъ и время

Можно послѣ всего этаго понять, какъ вообще глядѣлъ крестьянинъ на школу. Не видимъ ни одного примѣра какого бы то ни было усердія къ ней, напротивъ, какъ отовсюду доносило духовенство, высказывалось рѣшительное равнодушіе и недовѣрчивость къ наукѣ. При ежедневномъ восьмимѣсячномъ отсутствіи изъ дома сына, крестьянинъ, во всякомъ случаѣ, терпѣлъ чувствительный убытокъ и въ пособіи хозяйственномъ, и въ своихъ средствахъ, часть которыхъ употреблялъ на покупку книгъ, на обувь и одежду для сына въ зимнее время. Но этотъ убытокъ ничѣмъ не вознаграждался для него, когда сынъ оканчивалъ науку, потому что пріобрѣтенныя имъ познанія не имѣли никакого приложенія къ хозяйству, къ религіозной его жизни, вѣками утвержденныхъ въ деревнѣ и получаемыхъ чрезъ преданіе. Въ головѣ крестьянина слагалось такимъ образомъ самое безотрадное понятіе о наукѣ, въ которомъ смутно бродили представленія: хозяйство, панщина, трата денегъ, трата времени.

Самое распоряженіе о школахъ для крестьянъ ограничивалось только приказомъ завести школы и общимъ указаніемъ курса и метода обученія. Послѣ этаго собирались только справки, сколько есть на лицо школъ, и почему не открыты онѣ въ другихъ деревняхъ; не видно, чтобъ духовенство получало отвѣты на многочисленныя свои вопросы и затрудненія, никогда не видѣло у себя наставленій, какъ вести дѣло народнаго обученія въ частности, къ чему направлять его, какъ поддерживать и развивать въ дѣтяхъ вынесенныя ими изъ школы свѣдѣнія, какъ возбуждать въ деревнѣ охоту къ наукѣ, какъ улаживать свои хозяйственные интересы съ интересами школы и проч. и проч. Духовное правительство не могло не согласиться съ многими затрудненіями сельскаго духовенства, не могло не сознать народной науки

шире и глубже сухой, узкой и короткой программы 1828 г.; но оно не могло отступать отъ ея предписаній, не могло затрогивать общественныхъ вопросовъ тогдашняго молчаливаго времени. Положено было самое дѣло о школахъ держать какбы въ секретѣ, при учрежденіи училищъ употреблять рѣшительныя, но не гласныя мѣры». Самыя свѣдѣнія о школахъ требовались съ теченіемъ времени все рѣже, побужденія дѣлались все слабѣе, и къ 1847 году совершенно замолкли. Первоначально предположено было св. Синодомъ издать особый катихизисъ для деревенскихъ школъ; но это предпріятіе, какъ и самая мысль о школахъ не дождалось своего исполненія. Все пособіе школамъ по кievской епархіи состояло только въ пожертвованіи въ каждую изъ нихъ по 8 экземпляровъ букварей — одновременно. Тогдашніе свѣтскіе и два духовныхъ журнала (Христ. чтеніе и Воскр. чтеніе) тѣмъ болѣе не считали себя въ правѣ принять участіе въ этомъ дѣлѣ, такъ какъ распоряженіе объ этихъ школахъ вызвано случайнымъ, непрямымъ обстоятельствомъ, и для цѣлей случайныхъ, именно для ограниченія раскола. Въ кievской епархіи оказались тогда раскольники только въ радомысльскомъ уѣздѣ, въ городѣ черкасахъ и въ городѣ звенигородкѣ, всего около двухъ тысячъ душъ. Гдѣ ихъ не было, тамъ спрашивали себя: къ чему жъ и школа? Все это показывало, что дѣло народнаго обученія тогда еще слишкомъ темно было понято всѣми, что для разъясненія и упроченія его необходимы были предварительныя и сильныя реформы, какъ въ быту крестьянскомъ, такъ и въ состояніи всего общества, и что школы, устроенныя на тогдашнемъ понятіи о нихъ, должны были пасть, не смотря на всѣ возможныя старанія о поддержаніи ихъ.

Такъ и случилось. Школы, заведенныя въ кievской епархіи, существовали сомнительно, прерывисто: онѣ то являлись, то исчезали, снова формировались и снова прекращались. Многія изъ нихъ, имѣя по 4

и по 3 ученика, состояли исключительно из дѣтей свяшенно и церковно-служителей, одноворцевъ и солдатъ, составляясь такимъ образомъ и независимо отъ высшаго распоряженія и побужденія; но при запросахъ, для избѣжанія отвѣтственности, они показывались существующими по предвѣсаніямъ, и вносились въ общій итогъ. Въ 1847 году послѣдній разъ кievская консисторія собирала о нихъ свѣдѣнія. Уманское духовное правленіе доносило тогда, что дѣти, не имѣя книгъ, въ особенности же будучи отрываемы родителями и помѣщиками, оставили ученіе, и всѣ школы, бывшія въ уѣздѣ, числомъ 34 закрыты. Таковую же вѣсть сообщило и липовецкое духовное правленіе, въ уѣздѣ котораго закрыты были еще въ предыдущемъ году всѣ школы—21, равнымъ образомъ и правленіе васильковское, въ вѣдомствѣ котораго было 8 школъ. Это была послѣдняя формальность въ отношеніи къ нимъ; дѣло сдано въ архивъ, откуда ни разу не отзывалось какимъ бы то ни было вопросомъ. А между тѣмъ, по вѣдомости 1858 года, изъ всѣхъ этихъ школъ оказалась существующею только одна школа въ с. Соловievкѣ (радом. уѣзд.), и въ ней только 1—ученикъ. Числилась еще съ 1841 г. школа въ с. Ступичной (звенигор. уѣзд.), но намъ положительно извѣстно, что существующая тамъ теперь школа открыта только весной прошлаго года. Школы дѣистительно и прочно существовали, хотя и не числились по вѣдомостямъ, какъ личное дѣло помѣщиковъ, только въ мѣстечкахъ Курсунъ и Кагорлыкѣ.

(Продолженіе будетъ).

НЕКРОЛОГЪ.

20-го Марта 1861 года скончался ординарный профессоръ кievской духовной академіи, статскій совѣтникъ Иванъ Петровичъ Максимовичъ. Имя его не пользовалось знаменитостію въ чужихъ и далекихъ кругахъ, но было дорого для всѣхъ, кто зналъ покойнаго и стоялъ къ нему въ какомъ либо отношеніи. Усердный и многосвѣдущій наставникъ, практической и подвижной человекъ, одаренный натурою въ высшей степени живою и сообщительною, онъ являлъ себя весьма нужнымъ человекомъ въ томъ кругу, въ которомъ суждено было ему послужить обществу.

Покойный съ малыхъ лѣтъ зналъ академію, въ которой долгое время былъ потомъ наставникомъ, и съ малыхъ лѣтъ былъ привязанъ къ ней. Отецъ его болѣе 20 лѣтъ занималъ должность эконома академіи и былъ протоіереемъ успенскаго кievо-подольскаго собора, находящагося вблизи академіи. Окончивши курсъ наукъ въ академіи въ 1831 году, онъ поступилъ наставникомъ словесности въ кievскую семинарію. На первыхъ же порахъ своей службы онъ зарекомендовалъ себя особеннымъ усердіемъ и аккуратностію. Каждый классъ онъ являлся къ своимъ воспитанникамъ съ живымъ, интереснымъ словомъ, и первый изъ наставниковъ словесности, въ дополненіе къ бывшей тогда руководствомъ латинской системѣ Бургія, выдавалъ свои записки, которыя

въ то время были вещью очень интересною. Въ семинаріяхъ въ классъ словесности заставляють учениковъ очень много писать сочиненій; при множествѣ воспитанниковъ, выправка этихъ сочиненій можетъ быть порядочнымъ бременемъ для наставника. Но Максимовичъ очень тщательно занимался разборомъ и выправкою ученическихъ эпитовъ, и старался какъ можно скорѣе сдать ихъ ученикамъ, не задерживая ихъ у себя долгое время. Ученики скоро полюбили своего молодого наставника, и считали его своимъ *главнымъ* наставникомъ не потому только, что онъ читалъ такъ называемый прежде *главный* предметъ, а и потому, что онъ умѣлъ болѣе другихъ дѣйствовать на молодые умы и возбуждать въ нихъ довѣріе и уваженіе къ себѣ. Какъ человекъ, зарекомендовавшій себя усердіемъ къ дѣлу и способностями, съ класса словесности онъ скоро переведенъ былъ на классъ философіи, и ученики, слушавшіе его уроки словесности, очень рады были, что имъ снова придется быть слушателями Ивана Петровича. Здѣсь опять таже аккуратность, какою отличался Максимовичъ, преподавая словесность, и опять новыя свои записки, вмѣсто прежняго руководства. Когда потомъ перевели его въ академію, его прежніе слушатели съ непритворнымъ сожалѣніемъ разставались съ нимъ, и потомъ долго не могли примириться съ новымъ наставникомъ, поступившимъ на его мѣсто. Въ академіи поручена ему была кафедра еврейскаго языка. Преподавать языкъ какой бы то ни было скучно, а тѣмъ болѣе такой мертвый языкъ, какъ языкъ еврейскій. Не многіе чувствовали нужду и пригодность основательнаго знанія этого древняго языка. Потому покойный профессоръ, при всемъ усердіи своемъ, не могъ возбуждать такого вниманія къ своимъ лекціямъ, какое можетъ возбуждать наставникъ другаго, болѣе живаго предмета, и мы знаемъ, что онъ скучалъ за своимъ сухимъ предметомъ, и неразъ ему приходила мысль просить начальство о перемѣнѣ кафедры. Утѣшеніемъ для него и истинною радостію для студен-

товъ были уроки его по *библейской археологii*, которая не входила прямо въ его предметъ, и чтенiе которой онъ принялъ на себя по своей доброй волѣ. Лекцiи его по этому предмету такъ интересовали студентовъ, что въ курсъ ишушаго эти строки ходили слушать ихъ даже изъ больницы тѣ, которымъ возможно и не запрещено было врачомъ выходить на воздухъ. Онъ высказывалъ дѣло просто, ясно, безъ излишнихъ распространенiй, и въ его словахъ видны были результаты самыхъ добросовѣстныхъ изслѣдованiй по части библейской археологii. Въ августѣ 1842 г. поручена была ему временно кафедра *русской церковной исторii*, за вызовомъ прежняго наставника (извѣстнаго ученаго пр. Макарія) въ Петербургъ, и онъ былъ въ состоянiи поддержать честь кафедры, послѣ славнаго наставника, и студенты его уроками по русской церковной исторii такъ же были довольны, какъ и уроками прежняго наставника. Покойный никогда не ограничивалъ своихъ научныхъ занятiй тѣсными предѣлами того предмета, преподаванiе котораго выпало на его долю. Его интересовали всѣ такъ называемыя гуманитарныя науки; и онъ усердно слѣдилъ за ихъ развитiемъ, ни въ чемъ не хотѣлъ отставать отъ современности, и при постоянныхъ своихъ занятiяхъ обладалъ многостороннимъ образованiемъ и свѣтлымъ, жизненнымъ взглядомъ на вещи.

Крупныхъ литературныхъ трудовъ не осталось отъ покойнаго, а между тѣмъ онъ постоянно трудился, постоянно что нибудь дѣлалъ для духовной литературы. Его дѣятельность много занята была Воскреснымъ чтенiемъ, котораго онъ былъ редакторомъ болѣе 10-ти лѣтъ, вступивъ на эту должность послѣ смерти Якова Кузьмича Амфитеатрова. Каждый годъ, особенно въ то время, какъ несъ обязанности редактора, онъ помѣщалъ въ Воскресномъ чтенiи весьма большое количество статей историческаго или нравственнаго характера, и статьи его почти всегда или имѣли въ виду какое нибудь современное явле-

ніе, или хотѣли сказать не только назидательную вещь, но и новую, могущую занять чѣмъ нибудь, христіанскую мысль. Отдѣльною книгою вышелъ его *Паломникъ Кіевскій*, описывающій просто, но дѣльно и отчетливо, святыни кіевскія, и имѣвшій нѣсколько изданій. Въ послѣднее время онъ посвятилъ труды свои переводу священныхъ книгъ Ветхаго Завета съ еврейскаго языка на русскій. Первою книгою, имъ переведенною, была книга Екклезіаста; переводъ этой книги въ прошломъ году посланъ въ Петербургъ на разсмотрѣніе, и, вѣроятно, скоро выдѣтъ въ печати. Смерть застала его за переводомъ 1-й книги царствъ, который и началъ печататься въ «Трудахъ Кіевской Духовной Академіи» за 1861 годъ. Онъ представилъ въ редакцію переводъ 17-ти главъ этой книги, послѣ его смерти въ его кабинетѣ нашли черновой переводъ 18-й главы и нѣсколькихъ стиховъ 19-й. Если бы продлилась его жизнь, онъ могъ бы сдѣлать довольно полезнаго по этой части, зная еврейскій языкъ такъ, какъ не многие знаютъ его у насъ въ Россіи. У него были приготовленія къ изданію библейской археологія: это было бы замѣчательнымъ произведеніемъ въ русской духовной литературѣ, если судить о немъ по тѣмъ лекціямъ, какія читалъ студентамъ. Его оцѣнили бы у насъ тѣмъ болѣе, что на русскомъ языкѣ нѣтъ ничего въ этомъ родѣ.

Кромѣ занятій по профессорству и по редакціи Воскреснаго чтенія, покойный Максимовичъ исправлялъ другія должности: при своей подвижной и энергической натурѣ онъ всюду умѣлъ дѣлать себя нужнымъ и всюду заявлялъ свою дѣятельность. Во время службы своей въ семинаріи, онъ былъ тамъ секретаремъ семинарскаго правленія. Въ академіи лѣтъ 16 онъ занимался бібліотекою, будучи сначала помощникомъ бібліотекаря, а потомъ и бібліотекаремъ; здѣсь онъ любилъ порядокъ, но не привязывался къ той тяжелой формѣ, которая у иныхъ бібліотекарей можетъ страшать и затруднять человѣка, нуждаю-

шагося въ книгѣ. Знакомый съ книгами не по одному названію, онъ являлся полезнымъ совѣтникомъ студентамъ, приходившимъ къ нему за книгами: рассказывалъ имъ, что гдѣ можно найти, и къ чему пригодна та или другая книга и т. п. Много можетъ быть назойливыхъ и непріятныхъ требованій отъ бібліотекаря, много можетъ быть у него разныхъ столкновеній съ лицами берущими книги и могущими ихъ затерять. Покойный Максимовичъ никогда не позволялъ себѣ выражать свое неудовольствіе какъ-нибудь жестко и круто, на этотъ разъ ему много помогали шутки и остроты, на которыя онъ былъ мастеръ, ими онъ смягчалъ свою оффиціальную рѣчь, ставя себя чрезъ нихъ въ братскія отношенія къ студентамъ

Въ послѣдніе годы возложена была на Максимовича должность члена академическаго правленія, — и здѣсь онъ не довольствовался однимъ подписомъ бумагъ, какъ могло бы быть съ другимъ, а внимательно входилъ въ дѣла и разныя экономическія соображенія, и часто являлся съ своимъ особымъ мнѣніемъ, отличнымъ отъ мнѣнія другихъ. А если при академическомъ правленіи, по какимъ-нибудь экстраеннымъ дѣламъ, составлялся временный комитетъ (строительный или другой подобный), Максимовичъ былъ здѣсь необходимымъ членомъ. Такъ было, напримѣръ, въ 1855 году, когда были въ академіи нѣкоторыя новыя постройки. Въ нынѣшнемъ году хотѣли воспользоваться его опытностію при разсужденіи о перестройкѣ кіево-подольскаго училища или перенесеніи его на другое мѣсто. Въ дѣлахъ, требующихъ практической опытности и экономическихъ соображеній, это былъ дорогой, трудно-замѣнимый человекъ.

Въ обществѣ Максимовичъ являлся самымъ любезнымъ, живымъ и общительнымъ человекомъ. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ умѣлъ оживить бесѣду, придать ей веселый тонъ и легко вести ее въ продолженіи долгаго времени. Какой-нибудь гордос-

ти и выявленія своихъ правъ и преимуществъ отъ него никто не видалъ и слѣда. Съ студентами, съ наставниками старшими и младшими онъ былъ одинаково привѣтливъ, и каждому какъ то хотѣлось съ нимъ говорить, и весело было вести съ нимъ бесѣду какъ о серьезномъ, такъ и о шуточномъ. Аристократизмъ, въ какой бы формѣ онъ ни являлся и отъ чего бы ни происходилъ, былъ совершенно не въ его духъ. Всѣ аристократическія замашки, которыя такъ въ модѣ въ нашемъ чиновничьемъ мірѣ, обыкновенно неприятно дѣйствовали на его душу, уважавшую людей, а не чины, и обыкновенно вызывали у него противъ себя меткія остроты. Онъ сколько любилъ прямоту, столько ненавидѣлъ напыщенную спѣсь. Отъ того, кто бы къ нему ни приходилъ, важный или неважный человѣкъ по общественному рангу, для всѣхъ одинаково была доступна и открыта его добрая душа. Студенты часто съ довѣріемъ обращались къ нему за совѣтами въ своихъ ученыхъ трудахъ, и онъ каждому готовъ былъ услужить всѣмъ, чѣмъ былъ богатъ; особенно многимъ помогалъ онъ при составленіи курсовыхъ разсужденій.

Въ заключеніе считаемъ нелишнимъ замѣтить, что онъ былъ прекрасный семьянинъ, и вмѣстѣ глубокой христіанинъ, горячо преданный вѣрѣ и церкви. Его религіозность, конечно, далека была отъ всякаго ханжества, надъ когорымъ онъ готовъ былъ подъ часъ и подтрунить; она выражалась въ просвѣщенномъ христіанскомъ взглядѣ на вещи и въ добромъ христіанскомъ направленіи всей его жизни, сознательнымъ образомъ соразмѣряемой съ началами святой вѣры. Его глубоко трогали дерзкія выходки невѣрія, и грубое невниманіе церковнымъ уставамъ онъ считалъ признакомъ худо воспитаннаго человѣка. Религіозныя обязанности были для него первыми, непреложными обязанностями; опущенія ихъ онъ не могъ ни простить себѣ, ни позволить. Въ праздничные и воскресные дни онъ являлся въ церковь по первому удару колокола вмѣстѣ съ священникомъ,

и ему тяжело было, если какія либо обстоятельства задерживали его дома и не позволяли ему являться въ церковь къ началу службы. Свое доброе христіанское настроеніе покойный старался передать и дѣтямъ. Лишь только наступала для нихъ пора перваго пониманія, онъ водилъ ихъ съ собою въ церковь, и заставлялъ ихъ участвовать съ собою и въ утренней и въ вечерней молитвѣ.

Общее сочувствіе и уваженіе, которое возбуждалъ Максимовичъ при своей жизни, какъ человѣкъ и какъ профессоръ, выразилось вполнѣ при его погребеніи. Заупокойную литургію и обрядъ погребенія совершалъ высокопреосвященный митрополитъ кievскій Арсеній. Очень желалъ и общалъ участвовать въ погребеніи и преосвященный викарій кievскій Серафимъ; но нечаянная болѣзнь воспрепятствовала ему исполнить свое желаніе. 4 архимандрита и около 20 протоіереевъ и священниковъ стояли у его гроба, во время отпѣванія его тѣла. Всѣ, знавшіе его, и духовные и свѣтскіе, сочли долгомъ своимъ воздать послѣднее христіанское пѣлованіе достойному всякой любви и уваженія человѣку, и церковь при его погребеніи наполнена была народомъ больше, чѣмъ въ праздникъ. Гробъ его несли на кладбище нѣкоторые наставники и студенты академіи; самъ высокопреосвященный митрополитъ проводилъ за колокольню Братскаго монастыря.